

С. Весто
ЛЕГЕНДЫ
О ШАГАЮЩЕМ КАМНЕ

курс выживания для наблюдателя

С. Весто
ЛЕГЕНДЫ О ШАГАЮЩЕМ КАМНЕ
курс выживания для наблюдателя

v.5

ISBN: 978-5-4483-8787-6

 senvesto.com

Всякое коммерческое использование текста, оформления книги – полностью или частично – возможно исключительно с письменного разрешения Автора. Нарушения преследуются в соответствии с законодательством и международными договорами. For information address: Copyright Office, the US Library of Congress.

© **S. Vesto.** 2009
© **S. Vesto.** graphics. 2009

сторонним наблюдателям
историкам отдаленного будущего

ЛЕГЕНДЫ О ШАГАЮЩЕМ КАМНЕ

курс выживания для наблюдателя¹

Если воин кидает убогому и ворующему золотой,
то это не чтобы сделать ему приятное.
Блеск его хотя бы частью укроет прошлое.
И найдет другого воина.

-Кутта Мл.

2

▲▲

Есть в Польше один философствующий медик. Зовут его Лем, и философствует он так интересно, что знаменит стал через это еще живым. И есть у него одна знаменитая книжка, «Сумма технологии» называется. Я долго ее одно время искал, мне ее еще в детстве настоятельно рекомендовали прочесть, и ее, несмотря на все мои старания, найти так и не удавалось. Оказывается, книжку ту очень долго не переиздавали, переиздав и пере-переиздав практически все у Лема остальное. Я только потом узнал, почему. И вот наконец через несколько гонцов и часовых поясов сообщают мне, что всё, выпустили такую книжку, вышла, массовым тиражом, на белой бумаге без единой иллюстрации и все что хотите, - только почему-то в сдвоенном «центральном» издательстве, специализировавшемся до того строго на русской попсе. В общем смотрим, что и зачем.

Держал я ее в ладонях с приятным чувством и удивлялся ее размерам, «книжка» оттягивала руку. Я вначале не понял, чего это «книжка» такая распушная, ну а потом уже было поздно. Как выяснилось, всю ее, от возлесловий до эпилогов, постранично, снабдил кто-то фундаментальнейшими абзацами сносок, до упора, местами едва ли не до 3/4 страницы, «под редакцией» неких трех преуспевающих литераторов, длинно и удобно печатавшихся в сферах московской фантастики. Сноски те, как и предвиделось, оказались не какими-то там аристократичными соображениями по поводу, уровня где-нибудь комментариев к стоикам и перипатетикам, знакомство с которыми может оказаться едва ли не более поучительным, чем собственно сам трактат, и под которые явно хотел подсуетить свои периоды конкретный штат подредакторов. Сноски призваны были вскрыть пожелания самих литераторов по всему ряду возможных аспектов познания и затронуть все доступные проявления жизнедеятельности, житнетворчества, кибернетики и собственных предрассудков, удобно располагая на чужой работе свой труд, на все проливая яркий свет, аккуратно поправляя всего автора, доводя книгу «до

¹ Настоящий вариант предлагает полную версию девяти легенд.

ума», - Лем за ними уже не просматривался. Что за черт, думал я, ничего еще не понимая, закрывая книгу, разглядывая со всех сторон и раскрывая снова. Если не хотят, чтобы книгу кто-то читал, то зачем тогда было так напрягаться с ее изданием?

Все, оказалось, лежало в областях совершенно других. Я до того как-то достаточно неопределенно, туманно и легко воспринимал все это – пока случайно не наткнулся глазами на те же фамилии на совсем другом издании. Кое-что в этом мире в самом деле никогда не меняется. Даже из обезвоженных мумий Стругацких они сумели сделать свое средство продвижения. Существует, видимо, какой-то универсальный, вселенский закон, по которому все, минимально значительное и стоящее, рано или поздно начинает обрастать всякого рода «учениками» и паразитами-давнососами, занимающимися не столько делом, сколько укреплением своего авторитета. Бледный червячок по традиции скучен, но истеричен. Одно такое недоразумение эволюции, обиженное генами и умирающим метаболизмом, полумертвое подпитерское создание из все тех же вовремя подписавшихся в ученики, неизбежно напухнув от верно выбранного места, прямо вывернулся наизнанку, самым шумным тиражом пытаюсь под себя переделать «За миллиард лет до конца света», чтобы хоть так выжить и чтобы хоть так бледные ценности смогли пережить убивающий сквозняк, мстя книге. Это всегда серьезный вызов любви к чистому всякого постороннего разума – быть свидетелем тому, как недоразумение на изгибе испачканного колеса в очередной раз делает на своей физиологии успех. Нельзя с большим недоумением и сомнением пялиться на местные ценности, чем наблюдая одну из подобных насмешек эволюционного развития. Таких вечно подводит их один и тот же истероидный тип акцентуаций: что бы они ни делали, чем бы ни пробовали заниматься и о чем бы ни собирались рассуждать, будет только их физиология. «Замечательный петербургский писатель».

Конечно, одна из мумий могла бы сказать тут, что нам лучше следить за собой и заниматься своим делом, и будет не права, это давно уже не ее дело. Да, похоже, по большому счету и не было никогда. Внимательному взгляду много сказал бы уже только один сюжет противостояния: его и вселенной. Кто поверит, что, однажды получи они доступ к громковещанию, за ними удастся уже расслышать тех, кто на них не похож? Теперь давно не секрет, что всякая претендующая увидеть свет работа печатного формата предварительно проходит обычную редакторскую отфильтрацию на стандартный предмет приемлемого уровня изложения, отфильтрация коя, помимо того, призвана сегодня к производству и новой, уже приоритетной, функции на предмет отсева несоответствий установленным в конкретном обществе социальным нормам и, что делать, неизбежной в вашей стране идеологии.

Что конечным своим результатом имеет выпуск в свет исключительно того, что не станет противоречить принятой на сегодня у вас - на этот раз уже религиозной – идеологии обычного формата. Всякая иная работа, заведомо отступающая от пределов ее выносливости и терпимости, будет остановлена еще на подступах. Большинство голосов у вас было решено считать, что бог есть, - со всем проистекающим для иных сопряжений комплексом последствий. Они бескровно изживаются – начиная с детей. Что само по себе разумно, с учетом дистанции различий.

Далее, согласно логике собственного же изложения, как можно предположить, следовало бы предпослать естественный переход к оживленной дискуссии насчет религиозного преподавания в рамках единой общеобразовательной системы детям всего коренного этнического

состава Восточной Федерации (кажется, говорить отдельно нет необходимости, как о й именно вид конфессиональных воззрений предполагалось для них ввести), но это неинтересно даже как социальный тип мышления. Каким-то ослом с достаточной фамилией выдается всем на доскональное обозрение первая же пришедшая ему за утренним моционом в туалете мысль – все немедленно бросаются, спотыкаясь и расталкивая друг друга локтями, ее трезво, тщательно, всесторонне и непредвзято обсуждать, млея от самой возможности все вместе обсуждать что-то с заранее ясным исходом и заставляя потеть с ними героя дня. Теперь перед ними со всей неотвратимостью встает вопрос: чего обсудить еще.

Один пример – как бы в скромной попытке показать, насколько зачастую немного смысла бывает в старании выжить у того, кто еще не прошел их курс лечения, и что в тех же официальных изданиях делает самосознание конкордата с мыслью тысячелетий – мыслью не своей, мыслью необратимо чужой, но известной настолько, что там очень скоро начинается усиленное ерзанье с собиранием свидетельств, что и вот эта территория уже помечена ими раньше других. У римского стоицизма не раз можно встретить расхожий оборот вроде «поклоняться божественному, божеству», «поклоняться богам». Понятно, что ни о каком монотеизме в то время речи идти не могло. Попробуйте предсказать, какой вид то же самое будет иметь в версии издания конкордата пн. Ну конечно, «поклоняться богу» – легко догадаться, какому.

И с литер самых передовых, крупных, так, чтобы никто не ошибся. Интересно задержаться и попробовать посмотреть, что за заданной культурной нормой стоит. Таким образом, начиная с этой отметки истории уже нет оснований усомниться, о ком у прославленных мужеством античных богов должна была болеть голова – тепло и нежно. Из всего пантеона богов даже Юпитер как креативное начало никак не соотносился с известными потребностями христианства, но ему всякий раз приходится призывать на помощь все стоическое мужество, соприкасаясь с каждой следующей христианской редакцией, чтобы сохранить обычное каменное выражение хладнокровного хранителя космических глубин. «Господь – это тот наставник, что таланты выводит из неизвестности». Тертуллиан приводит эту фразу Сенеки Мл. как живописную иллюстрацию, чем жила и прерывно дышала беспокойная мысль античной культуры.

Фраза эта так ему понравилась, что он забыл указать, что у Сенеки в трактате «О благодеяниях» речь шла о Юпитере. Но и это еще не все: занесем фразу в оперативную память, она еще себя покажет. Та же максима в силу то ли своей несложности, то ли доступности наносит религиозному сознанию такой удар вдохновения, что тот сегодня временами бросается заканчивать себя целым зданием философии насчет когда, как и где следует развешивать собственные сладкие бублики, с тем чтобы никто не ошибся, в какой стороне расположен далекий свет истины.

Если еще раз вернуться к теме загадочной акселерации отдельных литер в местной литературе: в результате известных усилий в свое время компетентными лицами там даже был клонирован специальный термин. Произносится как «поиск бога». Это интересно, как говорили самураи. Именно он был призван объяснить и расставить в этом мире едва ли не все. Другими словами, мудрость древних миров не могла быть больше занята ничем, но лишь поиском именно их предпочтений. Преемственность эпох. И в самом деле, стоило видеть, с каким порывом вдохновения отправились они искать его всюду, где только абзац предоставлял им такую возможность. Здесь как раз то, за что всегда с недоверием относились к шляхам от филологии. И это понятно. Непонятно

только, откуда у пантеона античных лиц могли взяться такие искания, когда не пахло еще никакими откровениями, а массовые чтения евангелий заменяли на массовые гонения их дистрибьюторов; когда первых христиан скупые на доброе слово римские легионеры отстреливали из одних только соображений чистого пространства; и это тогда, когда Маркус Аврелиус (посмертный титул: «бог благосклонный») лично снаряжал и благословлял на нужды такой экономии экспедиции, а то, что потом от них оставалось, цепями и крючьями доставали из подвалов тюрем.

...А потом приходишь ты, чтобы, обратившись, скажем, к подробным комментариям к трактату какого-нибудь Ницше, там, «сзади», это где поближе к обложке, очень скоро начать про себя удивляться щедрому, едва ли не построчному сопровождению его мыслей аналогиями и параллелями, весьма приятными «подавтору» и еще более приятными подредактору, как бы увиденными составителем соотносительно с текстами библии. («Ср.», «ср.», «ср.», «ср.»... Если я правильно разобрал, предлагается «сравнить» что-то с чем-то. Ослик бы умер от приятного удивления.) Я извиняюсь за длинный неподъемный слог, но меня это уже слегка достало. Ты перелистываешь и думаешь, почему все так сложно. Спрашивается, почему ему можно *это* печатать, а мне нет. Далеко не сразу до тебя доходит, что таким образом в широком ассортименте представлялись свидетельства, буквально с фактами на руках, как сам прославленный автор – речь, конечно, о Ницше – шаг за шагом кропотливо открывал в себе все новые источники вдохновения и где он их брал. «И иш-шо одна аберрация...»

Потом до тебя доходит то, что ты уже на подходе инстинктом понял еще на уровне подсознания, но еще не пытался членораздельно оформить в форме непечатных выражений. *Там написали, как тебе надо правильно думать.*

Россияне больше не стесняются. Вопрос и в самом деле становится интересным: чем скучающий психолог и психолингвист объяснит всеобязательное увеличение самой первой русской буковки «бэ» в слове «бог», как только за теорию и практику перевода берется русский представитель? Хорош вопрос не тем, что он доставляет какое-то особенное удовольствие, а потому, что, как я подозреваю, этого никто больше уже не сделает. Такого скрупулезнейшего, поистине беспрецедентного внимания к антропологическому аспекту орфографии данного слова не найти больше нигде. Его нет в греческом, французском, английском и скандинавских языках. В немецком, как известно, все существительные пишутся с заглавной. Честное слово, кто хоть раз задумывался над этой маленькой особенностью данной культуры, ничего не ценящей так, как состояние отстойного покоя и «чтобы ничего не менялось», того не покидало подозрение, что он случайно соприкоснулся с какими-то из наиболее глубинных и архаичнейших слоев их сознания.

Я от себя не могу подобрать другого объяснения как то, что все они таким архитектурным решением графики в своих глаза чуть-чуть становятся выше окружающей брэнной среды – так сказать, немножко ближе к богу, чем другие. Для меня остается просто неразрешимой загадкой, как ту же глобальнейшую из задач взялся бы разрешать у себя представитель немецкого языка. Самое интересное начинается, когда переводить, скажем, уже неоднократно проклятого безбожника Ницше принимается сознание россиянина и его рефлексы: оно и здесь уверено, что лучше разбирается, как тому нужно правильно думать.

Где только в оригинале станут мелькать «Ni dieu...» (фр.), «advocatus dei...» или «quibus nihil ad deum...» (лат.); где только речь будет идти о

Дионисе, «богине философии», «боге сновидений», «боге индивидуации и границ справедливости» или же известных традиций монотеизма, «элевсинского мистического зова» или же «ударов резца дионисического миротворца», - громко, не сомневаясь и совсем не стесняясь, будут снова предложены русские вкусы строго соразмерно пожеланиям своей конфессии. Говоря иначе: *если вы в силу каких-то причин сочтете не нужным прислушаться к тому, что они от вас хотят, в рамках их языка вы тем самым практически на нет сводите вероятность издания собственного взгляда в стандартной форме книги – неважно, из какой области.*

Был у Сенеки один полемический трактат, «О счастливой жизни». Целые периоды голого сарказма и никаких перспектив остаться в жизни счастливым. Все-таки нужно признать, были в то время трезвые умы – и было их явно на стандарт единиц исторических площадей больше, чем когда-либо еще. Впрочем, в выражениях там не стеснялись. «Я считал бы возможным оставить их в покое, если бы некоторые из них со своих крестов не плевали на зрителей».

Вот, на взгляд непредвзятого сапиенса, как лучше понять данный продукт мысли? Совершенно правильно: обратившись к исходному тексту. Но редакция конкордата решительно отправляет детальные комментарии к обстоятельной экскурсии относительно того, как же в действительности «место» это следует понимать. Предполагается, что сегодня нет необходимости быть Юлием Цезарем или иметь у себя кровь древних германцев и обращаться с двуручным мечом, как обращался с ним Фридрих II Гогенштауфен, чтобы в период отдыха между крестовыми походами писать обстоятельные трактаты и плевать на три религии мира. Считалось, не привыкший лезть за словом в карман конунг («Антихрист», в терминологии папы Иннокентия III. Впрочем, сподвижники безбожного рыцаря, орудовавшие языком столь же уверенно, сколь и мечом, звали так самого папу.) знал, что делал. Возможно, безбожная кровь древних гуннов тут подошла бы с не меньшим успехом.

То есть, говоря иначе, когда Ницше кипятился насчет не имевшей в истории прецедентов изворотливости христиан, еще точнее – их сознания, приводя в действие мощнейший инструментарий диалектики, все доступные ему стенобитные орудия логики и гигаватты чисто человеческого возмущения, которое (тоже чисто по-человечески) хорошо можно понять, обвиняя их ни много ни мало как в «лживости» ума – в том ключе, что сегодня нельзя располагать всем накопленным достоянием разума и науки, одновременно быть верующим и при этом не врать самому себе, - то эта благородная душа последнего из древних германцев совершенно и глубоко ошибалась.

Еще как можно. Он мог треснуть вместе со своей логикой и возмущением на последнем градусе, но, вообще говоря, дефективность сознания оставляет за своими пределами весь фронт его нападений. Селекционный отбор всей поступающей информации блокирует ту ее часть, которая в силу ряда причин не отвечает ряду параметров. Говоря по-другому, две тысячи лет сумерков против него, и они его не слышат.

Но нельзя, конечно, сказать, что он делал все и возмущался зря. Скажем, еще и послезавтра его передовой опыт в разрушении скрижалей, которые человечество до него две тысячи лет собирало и берегло, украсит любую галерею мыслей и любой отдыхающий ум. Обычно я стараюсь не цитировать там, где цитировать нечего. И я готов согласиться, что здесь тот случай, когда даже чрезмерное цитирование чужих жемчужин – будь они в самом деле жемчужинами – уже не в силах усугубить то, что без них

стоит немного. Я даже допускаю, что опыты вроде этих легко восходят к благородным категориям антологий, если мысль хороша, то ее не испортит даже чужое прикосновение грязных рук; но после того как я однажды заметил, что в остальной обитаемой вселенной о нем ничего не знают кроме того, что было где-то такое имя, я решил включить здесь несколько афоризмов, с предложением собственных пояснений. У меня большое подозрение, что это кончится не скоро.

В случае же с «Суммой технологии» дело осложнялось тем, что книга как будто уже успела пересечь океан, и отсутствие самого главного труда автора на фоне уже изданного выглядело по меньшей мере озадачивающим. В стране п.н. же как бы словесная свобода.

Не удовлетворяясь обычной ролью инструмента универсального закона, «подредакция» уверенно и широко, с истинно русской открытостью и решительностью вывела себя в соавторы. Причем в структуре самих уникальных по обилию и плодотворности наслоений сносок, уже со своим сюжетом, доставляло удовольствие наблюдать за поворотами напряженной мысли соавторов, где вначале надо *подготовить почву* для читателя; затем самого читателя; затем где для читателя целесообразно подготовить уже автора, который не может думать, чтобы поминутно катастрофически не ошибаться; какую затем страницу можно уже, не прячась, забрызгать слюной, а какую просто испачкать своим вниманием, - «а вот здесь следует немедленно сбросить напряжение, не перегибать, дать волю объективности, похвалить автора за достигнутое, выдержать длинную паузу и немного, *чуть-чуть*, пошутить». Их много, этих страниц, и лишь успев ознакомиться с линией их общего сюжета, очень скоро понимаешь, что их не могло быть меньше. Как раз этой книге ничто не должно успеть помочь. Она слишком знаменита, чтобы выпускать ее одну в страну русси «просто так».

В рамках «полемики», уверенным шагом, всем немногим из оставшихся заинтересованных показывается, *как думать нельзя*. И все из опасения, что поймут не так, как хочется им, а как написано. Я бы не поверил, если бы сам не держал книгу в руках. Автору элементарно мстили за другой его «Осмотр на месте». На его же страницах, но за мой счет.

«Сумма технологии», конечно, не могла иметь в пределах конкордата п.н. иной вид.

Там, где список книг для прочтения иным этническим культурам определяется лишь почитателями «Суммы теологии» Фомы Аквинского (сама идея психоанализа по которому – уже разновидность греховного кощунства), нетрудно предсказать, какая из книг напечатана не будет. И можно было бы рассуждения те со всеобязательным наукообразием, не суетясь, перелистнуть – если бы не одна только промелькнувшая перед глазами до крайности занятая сноска, пришедшая уже непосредственно в соприкосновение с данной рукописью, и показавшаяся лично близкой мне и до боли знакомой.

Речь идет о проклятой свободе.

Они ее считают – непредвзятой горстью и в любых соотношениях.

«Сегодня мы считаем, что 3 метода познания мира: объективный (научный), субъективный (принятый искусством) и трансцендентный (характерный для религии) – эквивалентны и могут смешиваться в любых соотношениях...»²

² Здесь и ниже по изданию: С. Лем. Сумма технологии. Terra Fantastica - «АСТ», 2002. Комментарии под торжественным значком копирайта некоего «С. Переслегина». Очевидно, что клинический вздор такого уровня прямо на страницах знаменитой книги

Сегодня «мы считаем». 170 лет спустя от времени последнего по счету обугленного столба, плохо пахнувшего во славу христианства, - кого сегодня уже волнует, что там считают божемои, если на минуту вынести за пределы периметра эшафотов самих божемоев? «Б-блеск», - как сказал бы какой-нибудь греческий козлоногий бог. «Смешиваться»-то может в любых соотношениях что угодно и где угодно, вот только куда потом это выбросить, что бы ничто не испачкать и не испачкаться самому?

Был, говорят, такой барьер на каменистом пути цивилизации – «фазовый», так вот его удалось благополучно преодолеть **«за счет сочетания новой (христианской) трансценденции и иницированными в античное время принципами развития и свободы личности...»**

Свободы личности... Fucking piece of shit, как сказал Демокрит, когда ему отдали на рецензию какого-то начинающего паразита.

Был, значит, где-то и там тоже свой принцип свободы личности – но цивилизация накрылась бы пепельницей, вместе со своими барьерами, **не будь на свете новой (христианской) трансценденции.**

Это было уже не первый раз, когда промелькало негромкое стремление кого-то как бы невзначай поставить себе в заслугу то, что и было достигнуто лишь вопреки ему, напряжением чудовищных усилий - с началом его преодоления в себе и ни в коем случае не раньше.

Надо думать, комплекс известных организационных мер по возведению эшафотов, растягиванию связок, расчленению суставов и дальнейшему сожжению поголовно всех, кто минимально слышным образом рассуждений отличался от заданной средней серой массы, когда в отдельных городах в отдельные дни обугленных столбов насчитывали до нескольких сотен, - так помогали пробудить наконец в сознании свежесть мысли, так проводили историческую инициацию античной свободы личности, так выражали теплую признательность язычеству и его веселью и так **преодолевали барьер цивилизации.** Речь даже не о реакции Контрреформации сразу вслед за Великой Реформацией как ответ Лютеру (упертому болвану из глухой деревни, как его называли бы сегодня): именно данному эпизоду история планеты обязана тем, что не произошло контакта этого дня с днем Античности. То, что минимально грамотный разум назовет катастрофой – в пределах всех социокультурных измерений. Об удивительном научном бесплодии Европы Средних веков стало возможным говорить, когда удивление по такому поводу больше не грозило потерей жизни.

Не может надоест удовольствие со стороны наблюдать, как тот, кто по логике времени тогда и там неслышно стоял бы в непосредственной близости от периметра столбов, полыхающих и с треском сыплющих искрами, с неподвижным лицом и со скукой отправляя правосудие, за бесподобным Тертуллианом про себя и вместе со всеми привычно повторяя: «...Мы не нуждаемся ни в каких исследованиях после евангелия и Христа...» - сегодня негромко что-то считает и заканчивает защиту своих авторских прав на собственные сноски и благоприятные послесловия к книгам тех, кому столбы были посвящены.

«...Увижу и мудрых из философов, на огне подрумяниваемых совместно с их соучениками, учили коих, что нет бога, что нет души и не возвращаемы оне во тела прежние...»

можно нести, лишь спрятавшись под псевдонимом. Случай комментариев настолько беспрецедентный, что он заслуживает того, чтобы всем аплодировать недоразумению стоя.

Какой же претор, или консул, или квестор, или жрец в силах дать тебе столько узримых радостей – и столько восторга?..

А мы вот, одним лишь напряжением веры, способны уж и в день нынешний нарисовать всё в духе и воображении...

Кажись, это и поприятнее будет, что лицезреть имели бы в цирке, двух амфитеатрах и на всем побоище...»

Боюсь, против такого приступа смирения и любви нужны не доводы, а немногословное вторжение безбожных гуннов. Но никогда не оставит того, кого ласково и любя называют у нас божемоем, желание протиснуть себя в чрезвычайно престижное общество двух единственных методов познания мира, научного и искусства, - а когда всякий раз будет ясно, что не получится, объявлять их оба, конечно же, своим «эквивалентом». Опыт сверхсенсорики не может быть здесь включен не столько даже из соображений обезопасить ее от паразитов, сколько по причине того, что она повторяет логику анализа науки и индивидуальный инсайт искусства. Художественный человек – предтеча человека научного, и первый – только дальнейшее развитие другого, говорил где-то один разрушитель скрижалей, давая прогноз отдаленному будущему и предсказывая искусству вечернюю зарю: так человек на склоне лет вспоминает исчезающую юность.

170 лет – это еще совсем немного, но необратимая ошибка ими уже совершена. Те из оставшихся, на пепел ими не пущенных, сумели уйти слишком далеко, чтобы стать в их приоритетах тем вирусом, которым совсем скоро, возможно, всего лишь через несколько сотен лет, в конце концов поперхнется их программа. И времена, быть может, наконец выйдут из ступора и начнут меняться.

С пониманием и тепло нужно ожидать и в дальнейшем соразмерного увеличения количества их оправданий – соразмерно *нашему* знанию, и их непревзойденных по красоте исползовений – под новый порог, в другую темную щель, *на длину* инструмента. Далеко бы успели мы уйти, от них и их эшафота, начни смешивать науку «в любых пропорциях» с идеологиями и «распаковками смыслов», за которыми не нашлось ничего, кроме уже известных пожеланий? Безошибочно и всегда, в любой информационной среде удастся вычислять их – по их пожеланиям. Им нет никакого дела до того, как там было или могло быть в принципе.

Идеология их и идеология любых других – они давно отчаялись уже чем-либо нас удивить. Все их пожелания и вся орфография их пожеланий давно приняты во внимание, добросовестно рассмотрены и отложены в сторону. В том, что касается человека этого времени, они менее всего пригодны на роль постороннего наблюдателя. Дело не в том, что они с увлечением рассказывают друг другу о том, на что не счел бы нужным расходовать время я. Они перекрыли последний доступ к громкоговорителю мне и всем, кто на них не похож, предусмотрительно не забыв оставить его себе. Когда слышишь только себя, не сложно убедить себя в своей общекосмической значимости. Курс их лечения все остальные уже прошли. Сейчас они не стесняясь лечат меня под свой вкус, но опять за мой счет, даже не догадываясь, как выглядят со стороны.

Вот фундаментальнейший – в традициях христианства – вопрос: имел или не имел его основоположник личную собственность? Говоря простыми словами: в достаточной ли мере он был неимущ? Это же далеко не праздный вопрос. Это не теза из категории «ха-ха», как кто-то сразу подумал, а глубинный, затрагивающий все внутренние органы верующего типа сознания, которыми он любит. Казалось бы, чего тут много думать и чего исследовать, - но это только на взгляд посторонних. Ну, может, имел –

в виде хлеба и вина, поскольку ими вроде как нельзя преуподобить сущность, сподобившись насущное брать лишь во временное пользование, есть ведь чего-то надо.

А может, и не имел – поскольку предметы оные, господней мудростью относимые к объектным категориям насущных потребностей, не могут, таким образом, быть относимы к предметам личной собственности. Другими словами, господь был безусловно неимуц в достаточной мере. Это только сейчас суть поднятой проблемы выглядит лишенной академического интереса, а тогда как раз лица из особенно настаивающих на данной точке зрения целиком и полностью сжигались вместе с их мировоззрением после плотных и продолжительных сеансов следствий с применением самых интенсивных методов дознания – именно как казус опасного отклонения от канонов принятого.

И это лишь сегодня вызывает неподдельное удивление – а в те эпохи она проблематика была предметом оживленнейшего обсуждения в пенатах самого соглашения орденов, зачастую прямо там же, в пенатах, переходивших непосредственно к рукоприкладству, что много позднее с таким деликатным и негромким юмором описал один известный итальянский ученый-медиевист – потомок тех самых францисканцев и бенедиктинцев, благородный похоронный сарказм которого чувствовал всю неспособность передать на бумаге суть камня преткновения и современное умение испытывать удивление.

Дело было в том, что легализация утверждения за создателем христианства отсутствия той самой личной собственности закрепляло за канонами орденов право быть нищим в достаточной мере тоже. То, за что боролись. Что за одно это *отклонение от нормы* официально приговаривали к костру – тогда вызывало сочувствие далеко не у всех.

...Сам Лем обошелся с ними очень просто, обронив только мимоходом – по поводу посягательств на эйнштейновский постулат насчет постоянства скорости света, посягательства, к ним не имеющего отношения: важно, что для науки нет нерушимых истин и авторитетов. И вряд ли дипломированные божемой станут выглядеть наукообразнее только оттого, что держат на чужой территории свою икону авторитетов не перед собой, а позади. И вряд ли всем ученым вскоре предстоит броситься осыпать их поясницу поцелуями только потому, что так п.н. решили большинством голосов.

Это был один из лучших образцов такого рода, издаваемых приоритетной нацией, которые я держал в своих руках. Редакторские жемчужины передергиваний удавалось бы начислять до конца книги, или еще дальше, сказать трудно. Немного освоившись, глаз сноски позднее минует в автоматическом режиме и страница переворачивается. Вот только почему я, покупая знаменитую работу, должен еще столько же доплачивать за каких-то московских ко-адьюторов?

(Не в качестве повода задеть и не из желания книгу защитить – но только лишь из сожаления, что не предусмотрены до сих пор в практике печатных форм «сноски на сноски» и «редакции на редакции», приводятся здесь лишь не самые объемные из их жемчужин. В силу того, что смещение всякой активной информации возможно только строго «от подредакции» – в направлении к Саянам и восточным границам на Тихом океане – и ни в коем случае не наоборот, не говоря уже о том, что любые из таких русских подредакторов сами решают, чему пройти их подредакцию, а чему нет, они не перестают помнить, что перекрыть их пожелания никто не успеет.

«...Иными словами, процессы с понижением энтропии (возникновение и развитие жизни) протекают за счет энергетического обмена с надсистемой (Солнце+Земля), энтропия которой возрастает...»³

Иными словами выглядит так, словно специалисты отчаялись уже достучаться до силиконовых лобных долей дилетантов с космическими повадками, надеясь однажды объяснить им, что организмы не ведут себя противоположно II-му началу термодинамики. Последние охотно выполняют его даже без пристегивания к ним солнца. Общая «сумма организации» и необратимые процессы в них происходят сами по себе.

Абзац сноски начинается так: «Логическая ошибка». Это там, где автор сделал глупость, поделившись сомнениями. Величественный поворот корпусом приоритетной подредакции вызывался не содержательной необходимостью - напряженнейшим поиском повода к этим двум словам. Чтобы хотя бы только пойти московской подредакции навстречу и принять в качестве допущения их уместность в данной реальности и ее извиняющих рамках, то тогда вынужденно пришлось бы принять и справедливость следующего высказывания явно сомнительного характера, что «отдельные подредакторы в отдельных случаях проявляют склонность расти к лону своих исходных прапрайцеклеток».

«Автор не совсем точно представляет собой модель психики Фрейда и совсем неточно модель Юнга».⁴ (Так стоит в сноске.)

Условно говоря, нет такого начитанного дурака, который считал бы себя дураком.

Я не решился бы как-то комментировать первую часть сносок, даже если бы это предлагалось мне в принудительном порядке, допуская, что недостаточно хорошо знаю ваш государственный язык, хотя тут явно не происки типографии. Кроме того, я случайно знаю, как болезненно представители русской общественности переносят, когда кто-то со стороны начинает лезть в их язык. Загадочным образом реакция адекватна тому, когда кто-то с той же стороны (т.е. с недостаточной фамилией) с чуть ироничной улыбкой по случаю услаждает приоритетные уши демонстративным, безупречным произношением в иностранных языках. Чего-то им снова не в кайф. И тем не менее.

Автор не представлял собой никаких моделей психики, ни там, ни до, нигде после. Не найдено в тексте также и описательных конструктов, кои указывали бы на то, насколько точно или же совсем неточно автор, так сказать, представляет собой существующие на сегодня модели психики. Были «словари сновидений» и два имени. Изобретатель же вскользь приводимой в самой книге теории «травмы рождения», ученик Фрейда, по-видимому, тоже некогда носивший какое-то имя, в сноске даже не упомянут. Замечательное в другом.

Само существование сноски было вызвано не содержательной необходимостью – «подредакция» не смогла устоять, разглядев вдруг для себя возможность без промедления вынести всем стилистическую хиазму, показавшуюся им блестящей («не совсем точно – совсем неточно»). Неистребимо желание выглядеть лаконично-блестящим, даже в сносках. Что же конкретно им там улыбнулось: без труда проглядывающая положительная модальность в пользу Юнга («совсем неточно»), коя объяснима уж совсем просто. Порывом оградить интимно близкий приоритет и искренней признательностью верующего за создание Юнгом

³ Ib.

⁴ Ib.

«версии» психоанализа - «для верующих». Случай настолько стандартный, уместный и элементарный, что не хочется сомневаться даже из предпочтений скромности.

Именно данной категорией психолингвистики объясняется та непринужденность, когда п.н. по ходу перечислений имен, отмеченных блеском разума, от Демокрита, Зено и Марка Аврелия до Лири и Уилсона, как бы легко, как что-то само собой разумеющееся включают через запятую еще пару своих достаточных фамилий, которые уместны там, как шимпанзе в Библиотеке Конгресса, - *чтобы сделать приятное своей этнической принадлежности.*

Кстати, в свете того, что будет сказано ниже: у себя в «Синхронистичности» онный автор посвятил себя достаточно подробным изложениям истории удивительного посещения жуком-скарабеем его, автора, кабинетного окна не то четырнадцать, не то сорок четыре раза подряд, дабы, понятно, иметь возможность воочию посрамить неверующего. Так вот, в свете сказанного, я бы от себя немедленно предложил поставить под самый большой знак сомнения все другие откровения и результаты проведенных этим человеком аналитических предприятий, вроде «поразительной всеобщности древесной тематики», имеющей быть набрасываемой в процессе сеанса «некоторыми» пациентами, и незамедлительно следующего отсюда глобального вывода относительно общекосмической символики бессознательного – сознательного – транс-сознательного («корни – ствол – крона»). Предложенные автором панорамные по масштабности и титаническим усилиям сюжета интерпретации говорят не столько об их научной ценности, сколько о художественных достоинствах замысла, что, действительно, для обладающих той или иной мерой склонности к продолжительным интерпретациям поле деятельности здесь самое широкое. Несомненно, что «некоторые» пациенты, если их попросить, начнут что-нибудь набрасывать. И это что-нибудь при известном желании должно быть похоже – на что-нибудь. Это такое свойство вещей и явлений.

Несомненно также, что это что-нибудь должно где-нибудь начинаться и где-нибудь заканчиваться – «иметь корни и цель духовного развития». Несомненно также, что, обладая нужным желанием, данная духовная интеграция может быть убедительно предложена окружающим как *«самопознающая индивидуация, продолжающая макроскопический процесс на микроскопическом уровне»*. Несомненно также, что автору вкупе со всевозможными фроммами и адлерами намного приятнее было бы остаться в памяти окружающих не в качестве еще одного аплодирующего ученика отца (или одного из отцов) психоанализа, а зачинателем собственной школы в знании.

Наверное, много ума нужно – проекцию хроники индивидуальной жизни посредством банальной экстраполяции попытаться переложить уже на всю возможную и невозможную историю хомосапиенса, вступая теперь, конечно же, в вотчины «собственного нового учения». Инструмент отождествления хорош тем, что со времен «каменного» сознания он отличался редкой способностью надолго переживать своего хозяина.

Хороший вопрос: к какой категории деятельности следует отнести упражнения хорошо зарабатывающего языка, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть?

«...Движение экологов, из конструктивного научного течения, ... превратилось в полутеррористическую организацию, направленную на торможение прогресса вообще»..⁵

«...Собственно на настоящее время ситуация изменилась только количественно: ...улучшилось качество аппаратуры для наблюдения».⁶

Воин прогресса. Кажется, здесь претензия на непосредственно концепцию всего Будущего?

Но любопытнее всего, как *москва* форматирует содержание двух абзацев в сносках.

Скажем, им захотелось дать совершенно необходимое, на их взгляд, определение *чего-нибудь*, не важно. Дальше первым будет стоять тот абзац, который они организуют по предельной, максимально только возможной их силами нечитаемости – «научно». За ним сразу же встанут два слова: «Иными словами...» – и определение того же самого, но в изложении рабочего.

Дело уже не в том, что в сноске вновь нет содержательной необходимости. Тут все много интереснее. Этот механизм очень часто встречается у людей, физически оставляющих желать много лучшего и никогда не имевших успеха у привлекательных женщин. Настолько часто, что диагнозы такого рода в исключительных случаях легко ставить даже заочно. **Сам акт такого смещения** к абзацу иного информативного уровня снова и снова детонирует удовлетворяющее чувство снисхождения.

Уже сама возможность смещения снисходя будет вызывать к жизни следующую сноску. У таких людей начитанность – обыкновенно она бывает аномально-показательной и показной – часто свидетельство ранее пройденного неблагоприятного этапа в жизни, симптоматика условий продолжительных дисфункций в аспекте физическом и психическом, вызванных устойчивым давлением неблагоприятных, негативных внешних условий, пережитых унижений, будь то семейные отношения в детстве, известное положение аутсайдера в местах лишения свободы или русской армии; у женщин то же явление обычно есть следствие попросту не сложившейся жизни именно как женщины. Говоря совсем коротко, все вместе это служит своего рода механизмом компенсации их среды. Что само по себе неплохо, но зачастую ее начинают делать за чужой счет.

Другим, гораздо менее безвредным, примером таких подземных путешествий компенсаторного механизма может служить публицистика *москвы* и усилия публицистов «от научной журналистики», так или иначе затрагивающих любой аспект культуры Древней Греции, будь то размер шага греческого стиха или армейская повинность метрополий. Где только происходит непринужденный и сдержанный поворот текста на «вопросы мужских союзов», на «важность воспитательной роли гомосексуальных отношений для подростков того времени», любая характерная работа сегодня на ту же тематику за рубежом (с явным предварительным подробным и обстоятельным изучением) будет определена «популярной» - вслед за чем имеют место скупые, строгие и непредвзятые абзацы относительно «спартанского юноши», для которого «считалось постыдным не иметь любовника», что «свидетельствовало о его ущербности и полной бесталанности», а также о собственно «взрослом любовнике», который «опекал подростка, внушал ему понятия о морали и добродетели, прививал навыки, которые пригодятся в жизни [так и написано], обучал секретам

⁵ Ib.

⁶ Ib.

воинского мастерства...» Где только ретроинспекции подобного рода имеют место, там у любого случайного наблюдателя немедленно должны проснуться справедливые более чем серьезные подозрения относительно известной ориентации и интересах еще одного «центрального» из культурологов. Г о в о р я и н ы м и с л о в а м и , держите своих детей от него как можно дальше. Дело в том, что сходное системное составление абзацев, шире – сценариев, объясняется необходимостью производителя в поиске и *локализации социально приемлемого пространства и времени*, где бы он, компенсаторный механизм, смог бы начать свою работу.

Однако зачастую логика больше предполагает не устойчивый характер такой ориентации экземпляра, а скорее предварительный более или менее удачный опыт в той же сфере. Затем на свет неизбежно появляется компенсаторный механизм. Вопрос в действительности не имеет к академической сфере никакого отношения.

В силу известных установок, это будут скрывать, и трудно переоценить в вопросах развития сознания, насколько важно своевременно, без шума и избегая эксцессов, успеть определить, кто подбирается к детям. Практическое значение предложенной общей диагностики может быть оценено еще выше, принимая во внимание нормальное, абсолютно естественное нежелание и понятная брезгливость даже со стороны специалистов касаться данного вопроса вообще. Конечно, для московско-русских плохо пахнущих периодик вроде «Знание в силу» с неизбежными особями «от научной журналистики» столь же неизбежно доступ будет предусмотрен несравнимо больший, чем, скажем, у настоящей рукописи. И, по всему, так все у них и останется. Но именно по этой причине в рамках концепции экологии сознания холодная и прагматичная отфилтрация, вполне определенный контроль и критика поступающей информации – вначале со стороны взрослого, затем уже силами механизмов защиты психики самого ребенка – выглядит и неизбежным, и краеугольным. Здесь важно сразу точно определить меру адекватности воздействия – чем это будет отличаться от известного механизма религиозного типа мышления с блокированием всякой чужеродной информации. По-видимому, тем, что такой механизм работает на уровне сознания и он изменяем. Элементарная брезгливость.

Вернемся к Лему. При чем абзацы будут открываться решительными: «Ничего такого Гедель не показал», «Ошибочно представление автора...», «Автор сознательно искажает картину...». Сочетание *учеными допускается* будет заменяться на *учеными считается* (что ими не допускается перечислить было бы легче), там же, где автор открыто веселится насчет каким человеку во что бы то ни стало хочется видеть свой изучаемый мир, ему ни к селу ни к городу шьют принцип Гейзенберга - «каким мы видим мир на самом деле». Чрезвычайно тщательные в крупницах чужих истин, немилосердно попукивающие педантисты своих пожеланий – они присесть не дадут утомленному чужаку без того, чтобы не принудить навсегда поселиться где-нибудь очень, очень далеко на лоне более благополучной экологии.)

Природный ум может компенсировать недостаток образования, говорил Шопенгауэр, тот самый учитель Ницше.

Но какое образование сумеет возместить недостаток ума от природы? Именно неспособность инстинктивно самим доходить до простых истин объясняет то катастрофическое положение, сложившееся на сегодня с тем, что в системе древних традиций принято называть махатмой. Но это тема другой легенды.

Критиковать, конечно, легко, но если подредакторам так уж невмочь от желания что-нибудь написать, то отчего бы не собрать все, что хочется, скажем, в благородных рамках отдельной брошюры или, как еще делают, не убрать куда-нибудь в конец книги? Почему нельзя так поступить, понятно. Там им грозит «остаться без должного внимания». Без имени автора «Суммы» они никому не нужны.

Можно даже предсказать их поэтапное поведение – извороты сознания всех этих экземпляров в случаях столкновения с *логикой* последующих научных открытий. Это инструментарий последовательных логических приведений из категорий, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, вроде законченных утверждений начет «художник – это высшее выражение бога». Знающие люди тут смущенно улыбаются, еще кто-то делает движение тихо и осторожно закрыть тему, словно при физическом контакте с носителем стыдной болезни, о которой тому даже у них некому сообщить. Хочу сказать, к ценностям знания все те вечно бледные лица с напряженными выражениями не имеют отношения совсем, и все их мыслительные движения исчерпываются всего лишь одним и тем же, поиском: как выжить, когда эволюционное развитие в их услугах не нуждается. *Хочу сказать, собственную стандартную программу выживания данный тип сознания способен проводить только за чужой счет.*

Именно по этой причине как в юридическом смысле, так и в чисто биологическом, он должен быть официально отрактован как враждебный живому.

Вместе с этим, от себя лично мне хотелось бы вполне честно их предупредить, что ту строгость – или даже в чем-то излишнюю жесткость логических построений, принятых на этих страницах всюду, где только речь заходит об их осунувшихся выражениях, лучше объяснить не столько желанием сократить им жизнь (такое тоже есть), путем обычных для нас логических диверсий, сколько традиционным для альпиниста методом продвижения вверх по отвесной стене, когда ландшафт недружелюбен и под собой ты оставляешь лишь ту часть естественных либо искусственных опор, на которые можно опереться. Не нужно все принимать на свой счет. Честное слово, мы с самого начала настолько далеки друг от друга, что при других обстоятельствах я бы даже испытывал к ним почти дружелюбное расположение. Я просто не представляю, что мы будем делать, когда однажды нашими усилиями они все вымрут. Дай бог им здоровья.

Теперь вкратце, в качестве сжатого итога, что подредакторами п.н. на том пути уже сделано и достигнуто. Имя с общепланетной известностью и книгу уникальной репутации удалось предприимчиво использовать для подкладывания себе под ноги, чтобы показаться выше, для доказательства всем – себе они это уже доказали, – что они думают умнее, а также для настойчивого, постраничного анонсирования на листах авторитетной работы – где всем их собственное имя следует искать, справедливо ожидая, что потом это не сможет не окупиться (действительно жаль: у них такая возможность есть, у меня нет. Хотел бы я знать, почему.). Я даже от себя дам тестовый опыт на присутствие функционирующего здорового паразита.

Их убеждение – что все остальные не только заинтересованы быть в курсе их пожеланий и мнений на горизонтах чужой работы, но и что тем не дано без них обойтись. Не говоря уже о том, что навязывая уже сегодня на деснах экология – пожалуй, единственная из мыслимых и представимых материй, где прогрессивнее сколь угодно далеко перегнуть

палку, чем не догнуть. В детстве я был научен одной мудрости, которую запомнил. Если чрезвычайные обстоятельства имеют решение, то беспокоиться не о чем. Если решения нет, то беспокоиться нет смысла. Поэтому беспокоиться можно только о том, почему их решение никого не беспокоит. Оттого, что обстоятельства те не принято считать таковыми, они не становятся менее чрезвычайными. Здесь все дело в исходных предпочтениях. Я не знаю, правда ли то, что страна п.н. – единственная из поистине самобытных, где в бензин добавляют этилированное производное свинца для повышения октанового числа. Так сказать, для повышения «качества» бензина. Это при том, что тяжелые металлы, которыми забита теперь вся обозримая произрастающая почва, не способны разлагаться с течением времени вообще: за сотни лет все, что они умеют, только превращаться в свой еще более опасный изотоп (тяжелые металлы не выводятся из организма, только накапливаются).

Тот самый случай, когда запас прочности обязан многократно превышать самые неблагоприятные варианты событий. Как раз поэтому все эти шумные выяснения отношений между экологами насчет того, кто из них сегодня ближе других к истине, выглядят как бы не очень разумными. Они выбрали не самое удачное время. Ни одному из этих оптимистичных и сдержанно-трезвых умов не приходит в голову, что, если они ошибаются. Попросту здесь не та область исследований, где нужно ставить эксперименты.

Если ряд сценариев дальнейшей хронологии событий прямо предполагает необратимый характер всякого нарушения имеющегося на сегодняшний день экологического баланса глобальной системы в целом, а британский астрофизик С. Хокинг обещает в результате потом еще одну перегретую Венеру вместо Земли, то наиболее разумным будет всем как раз исходить из этого, а не выяснять экспериментально, в какой мере он заблуждался. Вообще, не сложность противодействия возможным катастрофам будущего, а инерционность международных исполнительных рычагов может тут оказаться решающей.

...Трудно сказать, насколько в действительности универсален для данного сектора галактических скоплений космический закон Трурля, «согласно изъянам своей конструкции, всякий разум Первосортный Абсолют сочиняет». Только до какой же степени выглядит маловероятным, чтобы вот эти пресловутые «русские люди будущего» в качестве собственного «Первосортного Абсолюта» сумели придумать что-то, хотя бы отдаленно напоминавшее ироничных богов сияющей Антики. Или крепкого здоровьем Одина-Вотана древних германцев. Изъянов у этих вечно бледных, утомительно истеричных экземпляров столько, что они готовы умереть еще до того, как сделают больным все, до чего успеют дотянуться.

И вместе с тем: было бы уже с нашей стороны несправедливым и легкомысленным недооценивать тот поистине благоприятный, благотворный процесс, который и способна оказывать жизнедеятельность здорового паразитизма в нормальном, функциональном (без желания обидеть) смысле слова. Эволюция нуждается в нашем самообладании. Они разрыхляют почву для поколений, идущих следом, укрепляют наш крепкий, здоровый отдых и упражняют наше тренированное чувство юмора. Откуда бы нам его еще взять. В одной критике слишком мало от дня будущего и дня другого: слишком скупа она и неповоротлива.

Так принято измерять собой предельное напряжение лучшего сюжета нашей жизни и его длину: критикой и мордобоем можно достичь большего, чем просто одной критикой.

Это действительно обращение к разуму, к лучшей части нашего сознания и лучшей версии нас. Здесь не вопрос категории «хороша ли в койке Тереза Палмер», мы тут пытаемся заниматься серьезными вещами.

Другие аргументы здесь как будто не предполагаются. Прославленная книга не могла быть написана ими – и ее написали не они.

В том и будет состоять то великое неизлечимое отличие их от всех тех, кого им уже никогда не достать. Даже логично выдержанное удовольствие – аккуратно извлечь и освободить «Сумму» от подредакторских послесловий (фактура переплета такова, что удачно позволяет всю послесловную стопочку в конце мягко выдернуть и выбросить, не повреждая остальное), с тем чтобы не обременять проделанную благородную тяжелую работу лишним, несоизмеримо с удовольствием наблюдать за ними издали: вряд ли бы они каждый раз суетились так, если бы подобные вещи ничего не стоили. Ну нет у меня желания держать «Сумму технологии» с паразитами, ну не хочется мне, а хочу я поставить себе на полку «Сумму технологии» без паразитов. Просто – одну «Сумму», только саму «Сумму технологии», ну что в этом плохого? Это недоразумение на теле культуры, восходящей к иному будущему, убедило себя, что если любой ценой ей удастся отыскать неточность книги в частности, то паразит успеет унизить уже работу целиком – и всем доказать свою причастность теперь непосредственно к остальному грядущему: в заключение книги они настоятельно еще раз напоминают всем, что по их летосчислению они уже открыли для себя *новое тысячелетие*.

Их всегда выдает одно и то же. Потому требования обычной профилактики и дезинфекции просто доверим самому будущему. Их имена к ужину не сумеет вспомнить даже тот, кто их делал. И я подумал, если какое-то из слов показалось чуть резче других, мне легко простят, как и так легкий налет брезгливости – она естественно произрастает в свойстве многих благосклонно настроенных к экологии людей. И сама замечательная аномалия сносок, по всему, должна рассматриваться как нечто неизбежное всякий раз, когда они садятся за чтение не им предназначенного. И каждый раз при этом (как в случае обширнейших, уже под другим авторством, сносок на Ницше) невозможно подавить в себе странное ощущение, словно присутствуешь при том, как обычный и естественный в природе вредитель, брызгая и пачкаясь, садится за критическую разработку к инструкции по применению пестицида.

2.1

Сказанное выше нужно понимать как краткую пролегомену к следующей ниже попытке как-то очертить сам аспект психологии в диагнозе: более или менее внятно сформулировать уже непосредственно обвинение в адрес конкретного получателя, христианского – его же пробуют определить еще как «постхристианское» - сознания, а именно:

по крайней мере в версии Коллективного Бессознательного конкордата п.н., *преднамеренное искажение реального положения вещей есть необходимое условие выживания не только такого сознания как особого, специфического свойства, но и собственно его настоящей эпохи.*

Больше того: режим этого дня является строгим следствием и прямым генетическим недоразумением предыдущей версии тоталитарного режима.

Версия которая по всем своим типовым характеристикам признана формой религиозного мышления.

Обвинение только на первый взгляд может показаться верхом сдержанности и умеренности, немногие лишь догадываются, что ему противостоит: здесь его никому не дадут даже просто озвучить. Взятый пример конкретного, функционально здорового паразитизма в первом приближении можно считать набросанным и на время отложить в сторону. Теперь сделаем шаг назад, скажем, лет на две тысячи. То есть вернемся поближе к истокам. Марк Аврелий, цезарь Рима: редкий ум и предусмотрительность знаменитого антика оказались повинны в том поистине уникальном натиске, с которым христианское сознание заносило потом его имя в лики своих едва ли не коленопреклоненных основоположников.

Это несмотря на то, что он устроил там в Лионе и Вьенне, когда к нему поступил рабочий запрос относительно того, как разумнее поступить с пойманными христианами. Ответ мог бы, пожалуй, послужить единственной исторической параллелью, еще хоть как-то соотносимой с самим христианским образом мышления, позднее нашедшим для себя широкое поле деятельности – в пределах той же географии. С соблюдением норм приличия, ответ Аврелия звучал бы как кончайте их всех – боги сами решат, кто из них прав.

Если оставить в стороне закон, имеющий в виду самих христиан, - относительно их любых собраний, определенных как преступные, - то в смысле психологии особый интерес должны представлять известные стоические холодность и презрение, с которыми цезарь всякий раз встречал известную торопливую готовность всего ряда мучеников оказаться на каком-нибудь костре или кресте вдоль проезжей части.

Почему именно последний аспект здесь взят за исходный: потому что для меня самого и моей собственной стоической выдержки мало что служит испытанием большим, чем известная истероидная разновидность в характерологии. Если бы меня кто-нибудь попросил, я сам бы им помог туда взойти.

Две версии на одну известную легенду древних миров.

Римский легион в войнах с северными племенами варваров лишается всех источников воды – и оказывается элементарно на краю катастрофы, с которой цивилизация Рима до сих пор не сталкивалась. Тогда Марк Аврелий в сердце своем лично обращается к богам за поддержкой и добрым напутствием, результатом чего имеет страшный ливень: обвал живительных вод - легиону, сгущение туч с молниями и другими эффектами – неприятелю. Это по принятой в истории версии. Теперь то же самое, но в версии христианского мышления.

Нужное колено преклонил не Аврелий, а скрытые представители христиан. Результат чего: под глубоким впечатлением от пережитого Аврелий в письменной форме обращается к коллективу недружелюбно настроенных сенаторов насчет прекращения преследований христиан и национального всепрощения.

Слабым не дано познавать. Эти слова одного мудреца могли бы быть начерчены на каждой новой порции их иллюзий. В качестве одного из предварительных выводов можно взять следующее. Если хотите иметь доступ к информации в режиме неидеологической разметки, говоря простыми словами, к книгам за границами принятой идеологии, то пределы рассматриваемого конкордата для них не самый лучший.

Понятно, что, в проекции теперь уже только чистой психофизиологии, исходя из предположения относительно дефективности данного типа

сознания, вступать тут в какие бы то ни было дискуссии и поиск «истины» было бы смыслом не большим, чем ждать от заводного автомобиля езды по прямой. В силу чего интереснее в общем виде для себя посмотреть, какими средствами данный тип сознания пользуется уже в срезе современных условий – и как это у него получается. Здесь же нужно сделать одно уточнение. Начиная с этого места и по рукописи дальше определение «дефективность сознания» будет выходить за рамки понятия как только лишь одного «вероидального» типа построения умозаключений, принимая во внимание теперь всякий тип мышления с т.с. реактивной модальностью отсутствия экологии сознания. Дальше по тексту будет ясно, что имеется в виду. Так называемому «объективному» методу познания противопоставляется взгляд кочевника, рисующего объективностями.

/.../

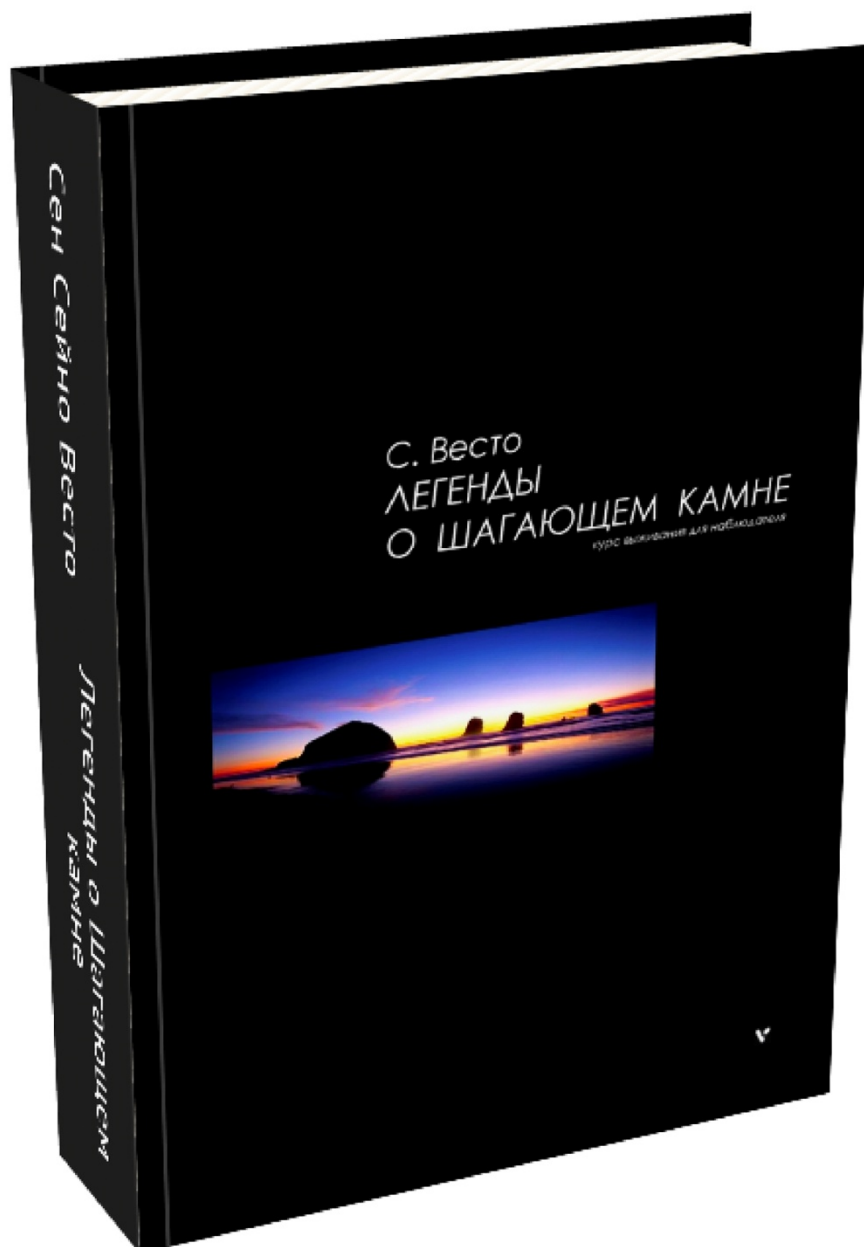
Купить книгу С. Весто. ЛЕГЕНДЫ О ШАГАЮЩЕМ КАМНЕ. Курс выживания для наблюдателя:

Печатная книга по технологии книга по требованию (без посредников)

senvesto.com

Принцип стороннего наблюдения прост и ясен. У него много врагов и еще больше самозванных последователей, у него масса преимуществ и есть лишь один недостаток. Тебе ничего нельзя трогать руками. Ты – историк далекого будущего: предмет твоих исследований – прошлое. Оно прямо на руках превращается в прах, но ты должен успеть снять с него протокол допроса, как снимают с мумии давно сгнивший бинт. И ты немножко похож на Дьявола: тебя никто не видит, но ты знаешь общий исход.